

Литература

1. Карсанова Е.С. Социально-экономические и политические основы регулирования этнополитических процессов в Северокавказском регионе. – Социология власти. – 2011. – № 2.
2. Сиражудинова С.В., Саидов А.А., Алигаджиева М.А. Ожидания Дагестана: Социально-политические трансформации и элиты: Монография (под ред. А.-Н.З. Дибирова, С.В. Сиражудиновой). – М.: Перо, 2014. – 196 с.
3. Старостин А.М. Прикладная философия как философская инноватика: Научно-учебное издание. – Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2015. – 568 с.
«Власть», М., 2016 г., № 2, с. 149–154.

М. Албогачиева,

кандидат исторических наук,

и.о. заведующего отделом этнографии

народов Кавказа (Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого РАН)

ОСНОВНЫЕ ВИРДОВЫЕ БРАТСТВА У ИНГУШЕЙ

Аннотация. В статье рассматриваются тарикаты и вирды, практикуемые современными ингушами. Дается общая характеристика всех религиозных братств Ингушетии, отмечаются особенности религиозных практик кадирийского и накшбандийского тарикатов. Автор показывает специфику ритуальных действий в обоих тарикатах в исполнении зикра, описывает ареал распространения тарикатов Кадирийя и Накшбандийя в Ингушетии и в других регионах Российской Федерации в местах компактного проживания их adeptов, а также за пределами страны. Отдельное внимание уделяется особенностям суфийских практик в мире и в Северо-Кавказском регионе.

Ключевые слова: религия, ислам, Сунна, суфий, ингуши, тарикат, вирд, adeptы, зикр, зиарат, Абдул-Кадир аль-Джилани, Бахааддин Мухаммед Накшбанди, Кунта-хаджи, Дени Арсанов.

Ингуши (самоназвание – гIалгIай) проживают на Северном Кавказе. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., в Российской Федерации насчитывается 444 тыс. ингушей, большая часть из которых расселена в Ингушетии – 385,5 тыс. человек, а также в Северной Осетии – 28,3 тыс. человек. За пределами Российской Федерации с середины XIX в. ингуши диаспорно живут в Турции и на Ближнем Востоке (около 350 тыс. человек) и с пер-

вой половины XX в. – в странах Европы (более 200 тыс. человек). Общая численность ингушей во всем мире составляет около 1 млн человек¹.

Абсолютное большинство ингушей считают себя людьми верующими. В догматике они придерживаются школы имама Абу аль-Хасана Аль-Ашари², а в праве – школы имама Аш-Шафи'ий³. Ингуши – мусульмане-сунниты, руководствуются Сунной – сводом правил и устоев, основанных на примере жизни Пророка Мухаммеда, его поступках, высказываниях в том виде, в каком они переданы сподвижниками Пророка и были зафиксированы в виде хадисов у суннитов и хабаров – у шиитов. Сунна почитается всеми течениями ислама как следующий после Корана источник сведений о том, какое поведение или мнение угодно Аллаху. Сунна объясняет Коран и дополняет его⁴. Традиционные последователи ислама считают следование Сунне главным содержанием жизни каждого истинного мусульманина. К суннитам относятся 85% мусульман мира, остальные 15% исповедуют ислам шиитского направления. В России к шиитам относятся только азербайджанцы, таты и часть лезгин⁵.

Ингуши являются приверженцами самого либерального направления ислама – суннизма суфийского толка. Суфиты стремятся обрести божественную любовь и божественное знание посредством личного мистического опыта. Основным суфийским духовным упражнением является зикр – повторение имени Бога или некоторых фраз из Корана. Верующие ингуши принадлежат к двум суфийским орденам, или тарикатам⁶, – Накшбандийя и Кадирийя, которые, в свою очередь, подразделяются на братства – вирды⁷, члены которых дают обет придерживаться пути, предло-

---

¹ Долгиева М.Б. Современное расселение ингушей // Вопросы истории. – Магас, 2013. – Вып. 10. – С. 86–87.

² Ашари, аль-Ашари, Абуль-Хасан Али (873–941), арабский богослов, основоположник калама – суннитского схоластического богословия в исламе.

³ Мухаммед ибн-Идрис Аш-Шафии (767–820), богослов, основоположник шафийского мазхаба; сформулировал понятие источников права, разграничил их между собой и установил их иерархию.

⁴ Ислам. Энциклопедический словарь. – М.: Наука, 1991. – С. 214.

⁵ Павлова О.С. Чеченский этнос сегодня: черты социально-психологического портрета. – М.: ИГ «Сам Полиграфист», 2013. – С. 259.

⁶ Тарикат – метод духовного возвышения и мистического познания Истины. Слово «тарика» в значении «путь» употребляется в Коране.

⁷ Вирд – религиозная община (братство, орден).

женного шейхом. Они различаются особенностями совершения обряда зикр¹ и некоторыми ритуалами, разработанными основателями их религиозного направления. Кадирийцы практикуют громкий зикр – джахр, который исполняется в форме движения по кругу в такт ритмичной музыке и сопровождается особыми восклицаниями. Накшбандийцы исполняют тихий зикр – хафи². Странники громкого и тихого радения ссылаются на Коран, где сказано: «...не произноси громко своей молитвы, но и не шепчи ее, а следуй по пути между этим» (сура 17, аят 110). На этом основании представители обоих тарикатов убеждены, что обе формы зикра не противоречат Священному Писанию.

Самым многочисленным по числу последователей является тарикат Кадирийя. Появление этого суфийского братства связывают с именем известного теолога Абдул-Кадир аль-Джилани (Гиляни) (1077–1166). Он был родом из области Гилана, которая находится на южном побережье Каспийского моря. Считается, что его родословная восходит к халифу Али ибн Абу Талибу. Он получил образование в Багдаде у Абу аль-Хайра Хаммада ад-Даббаса, был знатоком мусульманского права (фикх), Корана, хадисов и их толкований (тафсир). Затем он оставил обучение и 25 лет вел аскетическую жизнь, странствуя по пустыням Ирака. Только в 521/1127 г., когда ему было уже за 50, он неожиданно прославился в Багдаде как популярный проповедник. С того времени слава его стала быстро расти, но известен он стал как ханбалитский, а не суфийский проповедник. Он и одевался как алим, а не как суфий. Для Абдул-Кадир в 528/1133–34 гг. специально было построено медресе с примыкавшим рибатом, который служил резиденцией для него самого, его многочисленной семьи и учеников. Однако нет свидетельств о том, что он хотя бы заявлял о создании собственного пути мистического познания или был чьим-либо наставником, или посвятил кого-либо. Аль-Джилани был автором около 50 книг, наиболее известными из которых являются «Аль-Кунья», «Аль-Фатх ар-Раббани» и «Футух аль-Кайб». Кадирийский тарикат окончательно оформился на территории нынешнего Ирака в XII в. уже после его смерти. Он объединяет 12 родственных между собой суфийских братств и является одним

---

¹ Зикр – исламская духовная практика, заключающаяся в многократном произнесении молитвенной формулы, содержащей прославление Аллаха.

² Ислам: Энциклопедический словарь... – С. 188.

из самых распространенных в мусульманском мире¹. На Кавказе суфийское учение утвердилось в начале 60-х годов XIX в. в Чечне, Ингушетии и частично в Дагестане и Осетии. Его стали называть зикризмом².

Основателем «секты зикристов» был Кунта-хаджи Кишиев (1800–1867)³, житель села Элисхан-Юрт, выходец из бедной чеченской семьи. Предание гласит, что в детстве Кунта любил уединение, был задумчивым и сообразительным. Он выучился арабской грамматике, умел читать Коран, был очень религиозен. В возрасте 18–19 лет вместе с отцом он совершил хадж в Мекку. После возвращения из хаджа Кунта-хаджи начал религиозно-проповедническую деятельность⁴. Проповеди Кунта-хаджи о мире, братстве, поддержке обездоленных, сирот соответствовали общему настроению, душевному состоянию народа. Главными в его проповедях были идеи непротивления злу насилием, отказа от военных действий против царизма, значительно превосходившего горцев по своей военной мощи, а также призывы к смирению. Кунта-хаджи прекрасно понимал, что непримиримое сопротивление может привести народ к полному уничтожению. Он призывал горцев к прекращению кровопролития и переходу к мирному укладу жизни. Идеология зикризма противоречила идеологии газавата, требующего продолжения борьбы с противником до победного конца. Кунта-хаджи говорил: «...мне завещаны Аллахом только четки, я не буду брать в руки ни кинжал, ни ружье». Шамиль преследовал Кунта-хаджи за его антигазаватские идеи и запретил ему вести проповедническую деятельность⁵.

Вместе с тем народные предания приписывают взаимоотношениям Шамиля и Кунта-хаджи иной характер. Согласно им, Шамиль, узнав о проповедях Кунта-хаджи, потребовал от него явиться в Ведено для публичного диспута со знаменитыми богословами, где устаз ответил на все поставленные пред ним вопросы и развеял сомнения Шамиля.

---

¹ Ислам: Энциклопедический словарь... – С. 126.

² Ковалевский П.И. Народы Кавказа. – СПб., 1914. – Т. 1. – С. 150.

³ Мальсагов М.С., Пошев А.-Х. Древо жизни. – Нальчик: ИЦ «Эльфа», 1999. – С. 40.

⁴ Ляужева С., Яхиев С.-У. Шейх Кунта-хаджи и его школа // НГ-Религии. 29.05.97. – С. 4.

⁵ Вертепов Г.А. Сектанство в Чечне // Записки Терского общества любителей казачьей старины. – Владикавказ, 1914. – № 2. – С. 78–79.

Убедившись в том, что Кунта-хаджи – подлинный шейх, Шамиль якобы предложил ему совершить еще один хадж в Мекку¹, чтобы тот «познакомился с дервишами орденов Кадырия»².

Некоторые исследователи склонны считать, что знакомство Кунта-хаджи с новым тарикатом произошло задолго до совершения им хаджа и было связано с чтением исламской литературы. Другие считают, что знакомство с этим учением началось в период первого хаджа (1818–1819), а более глубокое его усвоение – во время паломничества к святым местам в 1859–1861 гг. Точных сведений об этом нет. Так, помощник начальника Аргунского округа Терской области А.П. Ипполитов писал о периоде жизни Кунта-хаджи после второго хаджа, что число его последователей резко возросло: в «...назрановских аулах у зикристов были свои собственные старшины, с избранными мюридами. <...> В скором времени Чечня, Назрань и большая часть нагорных обществ чеченского племени были покрыты этим тайным учением, как крепкою сетью»³. Шейх являлся духовным и светским руководителем религиозной общины, хотя имамом себя не называл и отказывался от этого звания⁴.

Будучи человеком глубоко верующим и аскетичным, Кунта-хаджи являлся примером для подражания. Возможно, в этом и заключался секрет окончательного принятия большей частью ингушей ислама именно от него. Зная национальный менталитет, можно догадываться, почему ингуши противились насильственному обращению их в ислам Шамилем. А шейх Кунта-хаджи, придя в Ингушетию и имея лишь посох в руках, сумел обратить народ в веру. Его учение было близко ингушам ввиду отсутствия явных противоречий с местными адатами.

В народе существует предание, что Кунта-хаджи, когда пришел в Ингушетию и дошел до селения Насыр-Корт, спросил у мальчика, есть ли в его селении гостеприимная семья. Мальчик указал на дом Чура Муцольгова. Шейх отправился туда, а хозяин

---

¹ Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. – М.: Русская жизнь, 1997. – С. 305.

² Мустафинов М.М. Зикризм и его социальная сущность. – Грозный, 1975. – С. 13.

³ Ипполитов А.П. Учение «Зикр» и его последователи в Чечне и Аргунском округе // Сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис, 1869. – Вып. II. – С. 28.

⁴ Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. – М.: Восточная литература, 1998. – Вып. 1. – С. 61.

для достойной встречи гостя зарезал барана, жена же его стала готовить галушки. Тогда шейх пожелал, чтобы галушки готовила женщина, совершающая намаз. Такой женщины в Насыр-Корте не оказалось. Узнав, что в Барсуках есть женщина, совершающая намаз, ее пригласили приготовить галушки¹. На основании этого предания можно заключить, что в то время в ингушской среде ислам еще окончательно не утвердился. Кунта-хаджи трижды посещал ингушей, и в последний свой приезд в одном из домов селения Барсуки совершил посвящение всех желающих в мюриды. Посвящение было простым: Кунта-хаджи или его поверенный (викал) брали вступающего в братство за руку и спрашивали, обязуется ли он, признавая в душе святость избранного наставника устаза, после каждого намаза стократно произносить формулу: «Ла илаха илла Алааху» («Нет божества, кроме Аллаха») и участвовать в ритуале кругового зикра.

Зикр кадиритов – это громкое радение, славословие Аллаху, сопровождающееся коллективными движениями, приводящими людей в состояние религиозного экстаза. Мюриды для совершения зикра встают вплотную друг к другу, образуя круг. Считается, что пространство внутри круга становится святым местом, куда спускается Божественная милость. По знаку руководителя обряда один из мюридов звонким голосом протяжно и медленно произносит: «Ла-иллаха илл-Аллах», все повторяют за ним и, раскачиваясь на месте в такт пения, хлопают в ладоши.

Затем начинается медленное движение по кругу, сопровождающееся ритмичным хлопаньем в ладоши. Движение по кругу постепенно ускоряется, при этом постоянно и ритмично повторяется словосочетание «уллох-уллолох» («Аллах един»). Иногда участники зикра совершенно отрешаются от всего земного, впадая в религиозный транс. Завершается зикр молитвой – обращением к Аллаху, в котором все просят Его о даровании шейху Кунта-хаджи права спасения и заступничества в день Страшного суда, о прощении грехов родным и близким².

В числе тех ингушей, кто принял благословение Кунта-хаджи, были: Батыл-хаджи Белхароев из Сурхахи, Хусейн-хаджи из Плиево, Тоаркхо-хаджи из Сагопши, Илез-Къада Озиев из Гамурзиево, Тешал-хаджи Ужахов из Барсуков, Гайрбек-хаджи

---

¹ Албогачиева М.С.-Г. Материалы полевой экспедиции. Республика Ингушетия, 2004–2005 гг. // АМАЭ Ф. К-1. Оп. 2. Д. 1769. Л. 3.

² Ляушева С., Яхиев С.-У. Указ. соч. – С. 4.

Евлоев из Насыр-Корта и Бусулб Арапх из Гейрбик-Юрта и др.¹ Последователями учения Кунта-хаджи стали не только бедные и обездоленные, как считают некоторые авторы, но и состоятельные и уважаемые люди ингушского общества. Выбрав исламский путь, многие из них совершили пешком хадж в Мекку, сопряженный со многими трудностями и опасностями – некоторые даже погибали в пути. В числе тех, кто совершил паломничество, было много влиятельных людей того времени: Исмаил Албогачиев, Альти Арсмаков, Идик Арцханов, Астемир Гадаборшев, Эсолт Гадаборшев, Дамыл Дзортов, Атаби Зязиков, Гущи Зязиков, Саадул Зязиков, Дошлако Котиков, Атаби Патиев, Дударк Харсиев, Жим Харсиев, Бачо Халухоев, Мурчал Шоухалов, Гущи Яндиев и др.² После совершения паломничества они стали хаджами, люди обращались к ним для решения сложных вопросов, к их мнению прислушивались, хотя они не были шейхами.

Число последователей нового учения постоянно и значительно увеличивалось. Демократичность учения Кунта-хаджи проявилась и в том, что ряды мюридов пополняли также и женщины. Им было позволено принимать участие в религиозной деятельности, выражавшейся в публичном чтении аятов, различных молитв и в совершении зикра. По всей Ингушетии и Чечне появилась разветвленная подпольная (по причине негативного отношения властей) религиозно-политическая организация, во главе с тамадой – старшиной мюридов и его помощниками-исполнителями турками, которые передавали эти распоряжения мюридам³. Обеспокоенные набиравшей силу религиозной организацией власти начали преследовать зикристов. Чтобы вывести своих последователей из-под удара, Кунта-хаджи позволил себя арестовать. По официальным источникам, арест был произведен 3 января 1864 г. в селении Сержен-Юрт. Узнав, что в Шалях находится арестованный Кунта-хаджи, «три тысячи фанатиков (в том числе даже несколько женщин) без выстрела, с кинжалами и шашками, шли, как иступленные, на отряд из шести батальонов, который ожидал их»⁴. По разным источникам, число погибших составило от 100 до 400 человек, среди них были и женщины.

---

¹ Албогачиева М. С.-Г. Материалы полевой экспедиции... – Л. 20–21.

² Там же. – Л. 3–4.

³ Авксентьев А. Ислам на Северном Кавказе. – Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1984. – С. 130.

⁴ Сигаурт И.М. Указ. соч. – С. 325.

Трагическая развязка события повергла народные массы в депрессию, за которой последовало переселение в Турцию. Шейх был сослан «без срока» в Новгородскую губернию, в с. Устюжно. Материалов, связанных с периодом пребывания шейха в ссылке, очень мало, однако имеется описание встречи с ним историка И. Попова. «Беседуя с ним, я был поражен его тактом держать себя, его умением держать беседу, улыбкою, жестами, его величественной осанкой. Одним словом, человек этот был создан из массы симпатий и благородства»¹. В каждом человеке общение с шейхом оставляло неизгладимый след. В своей жизни он следовал высоким духовно-этическим нормам, благодаря чему достиг такого колоссального результата в своей проповеднической деятельности.

Последователи Кунта-хаджи считают, что он лишь скрылся и явится вновь накануне Судного дня. В суфизме развито представление о существовании Божьих посланников (овлияь), по аналогии с учением о пророках. Согласно этому учению, посланник Божий – это Пророк, несущий людям новый закон или сообщающий волю Бога относительно изменений в прежнем законе. Общее число святых, которые сокрыты от большинства смертных, по одной версии, равно 356, по другой – 500². Бытует убеждение, что Кунта-хаджи – один из 356 святых, на которых держится Вселенная³. Об этом в народе сложено множество религиозных гимнов (назым). Содержание гимнов различается в зависимости от того, к какому братству относятся мюриды. Приведем перевод текста зикра, сделанный М.М. Мустафиновым, в котором на шейха Кунта-хаджи возлагается функция спасителя:

*«В минуту прощанья с иллюзией мира,
Когда к нам стучит обновитель могил
И брненное тело душа покидает,
Возьми на поруки, Мубарик-хаджи»⁴.
Когда без желанья сойду я в могилу
Один, без друзей, что оставят меня,
И грозные судьбы начнут свой допрос,*

---

¹ Акаев В.Х. Шейх Кунта-хаджи: Жизнь и учение. – Грозный, 1994. – С. 66.

² Абдуллаева Ф.И. Персидская кораническая экзегетика. – СПб., 2000. – С. 148.

³ Албогачиева М.С.-Г. Материалы полевой экспедиции... – Л. 22.

⁴ Мубарик – по-арабски «благословенный».

*В грехах не раскаявшись, я испугаюсь
И в робких ответах своих растеряюсь,
Приди мне на помощь, Мубарик-хаджи,
И за меня ты ответ им держи!*¹

В начале XX в. в Ингушетии жили известные исполнители религиозных гимнов – жители селения Гадаборш-Юрт (ныне с. Куртат, Пригородный район, РСО – Алания) из рода Гадаборшевых: Аслангири Хуниевич, Саварбек Эльмурзиевич, Джабраил Абдулаевич, Яхья Орцхоевич. Их приглашали на похороны и поминки. Во время исполнения гимнов народ начинал безудержно плакать. В репертуаре этих исполнителей было более двух десятков песнопений в честь шейха Кунта-хаджи. В настоящее время также есть известные исполнители гимнов: Магомед Шовхалович Харсиев, Магомед Дениевич Евлоев, Якуб Баширович Боголов и др.² При жизни Кунта-хаджи основные положения его учения не были опубликованы, но в 1910 г. их издали в Темирхан-Шуре. Приведем некоторые из них: «Хотите любить Всевышнего Аллаха – любите справедливость. Желайте своему брату того же, чего желаете себе. Не старайтесь быть богаче, выше, сильнее других. Делитесь с бедными всем, чем одарит вас Всевышний. Остерегайтесь, что кто-то вам будет завидовать в богатстве.

Пусть вам завидуют в учености, справедливости и щедрости. Молитесь Аллаху, чтобы к вам не пристало ничего добытое чужим трудом, чужим потом. Такое – непреодолимая преграда на пути к тарикату».

«Не отвечайте злом на зло, ибо это порождает еще большее зло. Любое зло противно Всевышнему Аллаху. Карать злодеев, миловать добродетелей – воля Всевышнего. Вы победите злодеев и насильников отторжением их от себя, совершенствуя свои души и свой тарикат. Чем яснее, крепче и справедливее ваш путь, тем труднее станет злодеям и насильникам. Они не смогут выдержать силы вашей правды, чувствуя, что Всевышний на вашей стороне. Они не выдержат противостояния Всевышнему

---

¹ Мустафинов М.М. Указ. соч. – С. 33.

² Албогачиева М.С.-Г. Ингуши в XX в.: Этнографические аспекты религиозных практик // Северный Кавказ: Традиционное сельское сообщество – социальные роли, общественное мнение, властные отношения: Сб. ст. / Под ред. С.А. Штыркова. – СПб.: Наука, 2007. – С. 78.

и вашему тарикату. Время работает на вас, ибо оно работает на справедливость».

«Не носите с собой оружия. Держитесь подальше от него. Оружие напоминает вам о насилии и уводит в сторону от тариката. Сила оружия – ничто по сравнению с силой души человека, верно идущего по тарикату. Всякое оружие – признак неуверенности в том, что Всевышний Аллах придет на помощь в нужный час. Кроме того, Иблис [дьявол] постоянно толкает вашу руку к рукоятке кинжала или ружья. Вы становитесь жертвой Иблиса».

«Не спорьте с властью, не старайтесь заменять ее собой. Всякая власть от Всевышнего. Аллаху виднее, какую власть, где и с какой целью устанавливать. У власти перед Всевышним отдельный отчет. Не соблазняйтесь кажущейся престижностью власти. Наш тарикат несравнимо выше, ибо земная власть призвана решать, главным образом, земные дела. Земными соблазнами еще никто не насытился. Земная жизнь, как соленая вода: чем больше пьешь ее, тем жажда усиливается. Успокойте свои души в тарикате. Спокойная душа, устремленная к Всевышнему, – это вечная радость и счастье».

Местам пребывания шейха в Ингушетии по сей день поклоняются как святыням¹.

Зерата (места погребения) Кунта-хаджи не существует, но его последователи совершают паломничество в Эртени, к месту захоронения его матери Хеды (село Первомайское Веденского района Чечни).

После ареста Кунта-хаджи возникли новые братства (вирды). Их возглавили его последователи – Бамат-Гирей-хаджи Митаев, Батыл-хаджи Белхароев, Хусейн-хаджи Гарданов, Чиммирза Таумерзаев, Мани-шейх Назиров и Вис-хаджи Загиев. Известно, что у Кунта-хаджи были преемники и в Дагестане – Умар ал-Анди, Ибрахим ал-Баханди, Мухаммад ал-Лайли, Газиява ал-Хунзахи, Мухаммад ал-Хучади². Новые братства в свое время существовали как замкнутые группы, скрытно от власти проповедовавшие свое

---

¹ Мальсагов М.С., Пошев А.-Х. Указ. соч. – С. 45–46.

² Шихалиев Ш.Ш. Краткий обзор арабографических сочинений Кунта-хаджи Кишиева // Ислам в России и за ее пределами: История, общество, культура. – СПб.: Магас, 2011. – С. 73.

учение, выполнявшие религиозные обряды, имевшие отличительные особенности в ритуальной практике зикра¹.

В настоящее время право принимать человека в братство принадлежит имамам мечетей и другим духовным лицам, так как нет живых учителей. Как показывают наши полевые материалы, желающий принять вирд Кунта-хаджи может сделать это самостоятельно, произнеся следующую формулу: «Я прошу заступничества Кунта-хаджи и намереваюсь читать вирд Кунта-хаджи», а затем произнести: «Ла илаха илла-Аллах» («Нет божества, кроме Аллаха»). Число адептов суфийских шейхов на Кавказе еще очень велико, и роль зикра в исламских традициях остается непоколебимой для большей части местного социума. Для кадирийских братств важно четкое и регулярное выполнение завещанного шейхом его вирда-задания. Поскольку такое задание выполняется коллективно, то и община мюридов, объединенная общей практикой выполнения задания-вирда, носит здесь наименование вирда с прибавлением к этому слову имени своего учителя. Так, существует вирд Кунта-хаджи, вирд Батал-хаджи, вирд Хусейн-хаджи, Умар-хаджи и т.д.² Кадирийский тариакат по числу последователей в Ингушетии и Чечне является на сегодняшний день самым многочисленным и влиятельным³.

Ареал распространения кадирийского тариаката

География распространения учения кадирийского тариаката на Кавказе такова: наибольшее число последователей проживает в Чечне и Ингушетии, незначительное число (около 2 тыс. мюридов шейха Кунта-хаджи Кишиева и Вис-хаджи Загиева) – в Хасавюртском и Наволакском, Кизилюртовском, Ботлихском, Гумбе-

---

¹ Албогачиева М.С.-Г. Адепты Кунта-хаджи Кишиева: Бамат-Гирей-хаджи Митаев, Батал-хаджи Белхароев, Хусейн-хаджи Гарданов, Чиммирза Таумерзаев, Вис-хаджи Загиев, Мани-шейх Назиров // Ислам в России и за ее пределами: История и культура общества. Сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня кончины выдающегося религиозного деятеля шейха Батал-хаджи Белхароева. – СПб.: Магас, 2011. – С. 28–36.

² Ваचाгаев М. Вирдовая структура Чечни и Ингушетии // Прометей, 2009. № 2. Доступ: <http://chechen.org/archives/category/prometheuse> (Проверено 29.08.2014.)

³ Албогачиева М.С.-Г. Ислам // Ингуши / Отв. ред. М.С.-Г. Албогачиева, А.М. Мартазанов. – М.: Наука, 2013. – С. 329.

товском, Казбекском районе, в г. Хасавюрте (Дагестан), Ахметском районе Грузии, Пригородном районе Осетии¹. Приверженцы шейха Кунта-хаджи представлены, кроме того, в Северной Осетии, в приграничном с Ингушетией регионе. Есть небольшие суфийские братства в Карачаево-Черкесии.

По рассказам стариков – жителей Кабардино-Балкарии, вирд кунта-хаджинцев существовал в Кабарде и Балкарии. Однако он не смог там закрепиться и при советском режиме, в период воинствующего атеизма, со временем сошел на нет².

В настоящее время ареал кунта-хаджинского вирда вышел далеко за пределы Северного Кавказа. Он представлен в Центральной (Казахстан) и в Средней (Узбекистан и Киргизия) Азии, где последователями данного вирда не всегда выступают только чеченцы и ингуши. На сегодняшний день учение шейха Кунта-хаджи стало многонациональным: к кавказцам присоединились казахи, узбеки и киргизы³. В Москве ритуал громкого зикра кунта-хаджинцев исполняется в Исторической мечети (на зикре присутствуют до 80–100 мюридов), а в Санкт-Петербурге – в молельном доме религиозной организации мусульман Санкт-Петербурга «Зикр»⁴. Эта практика характерна и для адептов Саратова, Астрахани, Нижневартовска, Новосибирска и др., где они открывают мечети и ведут проповеди на основе традиционного ислама и совершают коллективные зикры. Иммигранты третьей волны, устремившиеся в Европу в конце XX в., начали и там создавать мюридские общины. В Бельгии приверженцы учения Кунта-хаджи уже на постоянной основе практикуют громкий зикр. Такая практика распространена и во Франции, и в Австрии, но в меньшей степени⁵.

Вторым по числу последователей в Ингушетии является тарикат Накшбандийя. Свое название он получил от имени основателя Бахааддина Мухаммеда Накшбенди (1318–1389) – крупнейшего представителя среднеазиатского суфизма своего времени. Данный тарикат широко распространен в мусульманском мире. «Накшбандийя отрицает аскетизм, необходимость коллективных

---

¹ Мустафинов М.М. Указ. соч. – С. 17.

² Павлова О.С. Чеченский этнос сегодня. Указ. соч. – С. 265.

³ Вацагаев М. Указ. соч.

⁴ Павлова О.С. Указ. соч. – С. 315.

⁵ Ахмадов Я. Кунта-хаджи вирд // Шейх, устаз, овлия Кунта-хаджи Кишиев / Сост. Р-Х.Ш. Албогачиев. – Нальчик: Тетраграф, 2013. – С. 657.

ритуалов и громкого зикра, особое внимание уделяется общению ученика с духовным учителем»¹. Первое знакомство горцев Кавказа, в том числе ингушей, с исламом происходило в форме именно этого тариката.

В настоящее время многие ингуши связывают накшбандийский тарикат с именем шейха Дени Арсанова (1851–1917) – уроженца селения Зебир-Юрт, выходца из состоятельной чеченской семьи (его отец служил в милиции). Дед Дени являлся другом князя Ф.А. Бековича-Черкасского, так что сын князя был вскормлен матерью Дени. С раннего детства мальчик отличался даром прорицания, к его словам прислушивались, с ними считались, а когда Дени достиг юношеского возраста, народ признал в нем шейха. Как отмечает В.Х. Акаев, имя Дени Арсанова мюриды не произносят, «называя таинственным именем Деде [ингуши называют Дяда], что в суфийской иерархии означает глава ордена, достигший высшей ступени посвящения»². Шейх Дени Арсанов и Доккушейх (Абдул-Азиз Шаптукаев) получили право на распространение тариката Накшбандийя от Элаха-муллы³. «Элах-мулла принадлежал к аксайской ветке Накшбандийя, которая восходит к аварскому шейху Абдурахману ас-Сугури из Согратля, получившего иснаду [разрешение] на распространение тариката Накшбандийя от самого Джамал-Эддина Казикумухского, учителя и тестя Шамиля»⁴.

Дени Арсанов был очень авторитетным, сильным, мужественным человеком, отличался гостеприимностью и щедростью, двери его дома всегда были открыты для бедных, он раздавал милостыню. Рассказывают, что он сам строил мосты и дороги. В поисках доброго совета, защиты и примирения кровников со всех уголков Чечни и Ингушетии к нему стекался народ. Не было случая, чтобы он не смог примирить враждовавшие между собой семьи. Обращались к нему в аналогичных случаях и казаки. Есть свидетельства, что Дени Арсанов распространял свое учение даже на Осетию, где по сей день можно встретить его последователей⁵. В 1877 г. Дени участвовал в восстании Алибека-хаджи Зандакского,

---

¹ Ислам: Энциклопедический словарь... – С. 186.

² Акаев В.Х. Ислам: Социокультурная реальность на Северном Кавказе. – Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2004.

³ Элах-мулла – первый проповедник учения тариката Накшбандийя в Чечне.

⁴ Акаев В.Х. Ислам: Социокультурная реальность...

⁵ Саламов Х. Ровзат. – Нальчик, 2004. – С. 59–63.

а когда началась Русско-японская война, он якобы предсказал скорую революцию, которая должна была охватить все страны и привести к свержению царя. В апреле 1917 г. Дени Арсанов принимал участие в съезде чеченского народа, где его избрали окружным комиссаром. Позднее он был делегатом съезда народов Северного Кавказа и при обсуждении будущего политического устройства края предлагал путь шариата. В декабре 1917 г. Д. Арсанов с миротворческой целью встречался с казаками, но в результате провокации произошла стычка, в ходе которой Дени и 30 его мюридов погибли. Их тела были преданы земле лишь два месяца спустя, так как казаки не выдавали трупы.

Зерат Дени Арсанова находится на кладбище в Урус-Мартане, над его могилой возведен мавзолей. После гибели шейха духовенство, влиятельные и уважаемые старики Чечни и Ингушетии объявили, что место отца должен занять его сын Бахьаутдин¹. Бахьаутдин Арсанов был красным партизаном, и многие его мюриды являлись сторонниками советской власти, активно участвуя в борьбе против белогвардейцев. В период Великой Отечественной войны Бахьаутдин Арсанов уже был влиятельным шейхом. Он проводил патриотическую работу среди своих последователей, призывая их к вооруженной защите Отечества. За заслуги перед советской властью шейх Бахьаутдин имел правительственные награды. А в 1944 г. он был выслан со своим народом в Казахстан, где поддерживал морально своих последователей. После реабилитации он вернулся на родину, где умер в начале 60-х годов и похоронен рядом с отцом. Зерат Дени и могила Бахьаутдина – места паломничества последователей Дени Арсанова в Чечне и Ингушетии.

Пример Арсановых демонстрирует передачу религиозной власти по наследству.

В настоящее время все последователи тариката Накшбандий в Чечне и Ингушетии связывают это религиозное направление с именами шейхов (устазов) Ташу-хаджи Саясанского, Элаха-моллы, Дяда, Докку-шейха, Бахья, Усман-хаджи, Канна, Хож-Ахьмада, Апти, Абдул-Вагап-хаджи, Исхьякъ-хаджи, Солса-хаджи Яндарова и др. Большая раздробленность на вирды, чьи ритуальные практики имеют некоторые различия, порой приводит к противопоставлению их друг другу. Функционируют братства на

---

¹ Саламов Х. Ровзат... – С. 30.

основе собственных уставов и в соответствии с собственными организационными структурами.

География распространения учения Дени Арсанова такова: наибольшее число последователей находятся в Чечне и в Ингушетии, и незначительное число его приверженцев проживает в Пригородном районе Осетии.

Для современных ингушей принадлежность к тому или иному братству (вирду) является важнейшим элементом не только религиозной, но и гражданской идентичности. При этом вирдовая структура не совпадает с тейповой (родовой). Члены одного тейпа и даже одной семьи по собственному выбору могут быть последователями того или иного тариката и определенного вирда. На этой почве в семьях иногда возникают некоторые разногласия, но они не столь существенны и не приводят к серьезным последствиям.

Основатели местных религиозных братств – суфийские шейхи, для которых характерны такие основные черты, как мистицизм и аскетизм. Суфий должен обладать терпением, усердием, непоколебимостью, богобоязненностью, благоговением и покорностью, искренностью, правдивостью, стыдливостью, непорочностью, состраданием, неприхотливостью, альтруизмом, щедростью и великодушием, добронравием, благим мнением, благодарить Господа и стремиться к духовному очищению и самосовершенствованию. Суфий должен быть лишен мирских страстей, зависти, лицемерия, страстной любви, ревности. Всё это может погубить суфия, увести его от Бога¹.

Нужно отметить, что идеи суфизма получили широкое распространение по всему мусульманскому миру. И большую роль в этом, а также в выживании суфизма на протяжении многих столетий сыграло то, что он впитывал в себя местные традиционные народные культы и верования и трансформировал их на мусульманский манер. Именно в связи с этим многие исламоведы склоняются к мысли о том, что суфизм – это не только религиозная философия, но и народная форма ислама, имеющая свои особенности в различных регионах². «Даже поверхностное знакомство с практикой психологических опытов северокавказского суфизма

---

¹ Аликберов А.К. Эпоха классического ислама на Кавказе: Абу Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия «Райхан ал-хака'ик» (XI–XII вв.) / Отв. ред. С.М. Прозоров. – М.: Восточная литература, 2003. – С. 657.

² Тагиров Р.Г. Суфизм в Поволжье: Особенности функционирования. Доступ: http://www.e-riu.ru/knldg/prepod_publ (Проверено: 02.02.2015.)

показывает, что он вообрал в себя и адаптировал эффективные методы индивидуального и коллективного внушения, определяющие внутреннее содержание тайных знаний всех суфийских братств»¹. Идея возможности достичь интуитивного общения с Богом посредством психологического опыта вылилась в разработанную систему духовно-психических состояний (хал) и стоянок (макам), которых обязан достигать суфий, совершенствуясь духовно².

«В психотехнике тарикатов региона можно выделить ряд весьма важных компонентов. Первый – подготовка мюрида-неофита, добровольно принявшего решение изменить свою жизнь. Второй – процесс общения мюршида – шейха и учеников – формирование у послушника образа святого наставника. Третий – поддержание и усиление общности братства с помощью коллективных обрядов: двигательной экспрессии, дыхательных упражнений, мелодекламации»³.

А. Муртазалиев считает, что в местной суфийской практике кадиристов произошло соединение трех структурных элементов – саламии (пацифизма), динамического зикра (ритуальных мистерий) и джигитовки (низама). Если египетские и турецкие кадиристы кружатся на месте, а индийские – поют и танцуют под аккомпанемент музыкальных инструментов, то кавказские кадиристы, распевая главную формулу ислама: «Ла иллаха иллалах», хлопают в ладоши сидя, стоя или бегая по кругу. Но это всё внешние отличия. Разумеется, есть незначительные отличия и в содержании учений. Но сути самого учения эти внешние различия в формах мистерий и некоторые нюансы содержания не искажают⁴. Главным и неизменным для них остаются строгая дисциплина, порядок и вера в Аллаха.

Вопрос о правомочности местных практик достаточно дискуссионный, так как есть и сторонники, и противники подобных практик. Некоторые считают очень важными существующие базовые различия между некоторыми суфийскими и исламскими понятиями. Так, и тарика и шари‘а по-арабски означают «путь», который помогает мусульманину прийти к Богу. Однако в отличие от

---

¹ Курбанов Г. Суфизм на Северном Кавказе: Философия протеста // Центральная Азия и Кавказ. – 2003. – № 5. – С. 34.

² Акаев В.Х. Суфийская культура на Северном Кавказе. – Грозный, 2011. – С. 26.

³ Курбанов Г. Указ. соч. – С. 34.

⁴ Муртазалиев А., Султанов-Барсов А. Умар-хаджи Андийский. Историко-философский очерк. – Махачкала: ИД «Народы Дагестана», 2013. – С. 66.

широкой «дороги» шариата, общей и обязательной для всех мусульман, «путь» суфия понимается как нечто индивидуальное и факультативное. Как общая «дорога» тарика, так и все отвечающие от нее «пути» и «тропинки» вирдов означают направления для познания божественной Истины. По общепринятой суфийской традиции на этом пути ученик (араб. – мюрид) следует за учителем (араб. – муршид, устаз, шайх). Последний обычно следует той или иной традиции передачи исламского знания в тарикате. В запасе у него целый ряд действенных суфийских техник, помогающих суфию, не сбиваясь с пути, продолжать восхождение к Богу. Наиболее известной техникой был и остается зикр, богопоминание, в основе которого лежит различное число повторений определенного набора сакральных формул, необходимых для достижения состояния ощущения близости цели познания¹. Этого уровня суфии достигают, входя в состояние измененного сознания при помощи повторения вирдовых формул, общих для обоих тарикатов – Накшбандийя и Кадирийя. Различия касаются процесса подготовки к вхождению в зикр, обучения овладению технологиями вхождения в это состояние и удержания способности погружаться в него при любой необходимости. Этот уровень каждый мюрид проходит индивидуально, и только после этого он начинает практиковать коллективный мужской зикр с его сложными техниками передвижения и дыхания.

Многие ритуальные практики ингушей носят чисто механический характер, так как исламские традиции в ингушском обществе окончательно закрепились только во второй половине XIX в. Здесь же надо отметить, что в отношении духовных лидеров народа власть применяла репрессивные меры; все шейхи кадирийского тариката были в 1911 г. отправлены в ссылку. Гражданская война и революция также не способствовали упрочению позиций ислама, хотя и провозглашали свободу вероисповедания. С упрочением позиций советской власти борьба с религией и религиозными деятелями приняла очень жесткие формы. Мечети закрывались, а в их помещениях организовывались светские школы. Видные богословы были подвергнуты репрессиям. Великая Отечественная война и депортация ингушей в 1944 г. не позволили ингушам закрепить духовные основы религии. После восстано-

---

¹ Хизриева Г. Вирдовые братства на Северо-Восточном Кавказе как сеть религиозных практик // Суфизм как социальная система в российской умме. Док-туп: <http://www.idmedina.ru/books/school-book> (Проверено: 23.02.2015.)

ния Чечено-Ингушской Республики в 1957 г. партийные и советские органы развернули масштабную антирелигиозную кампанию. Запрещалось исполнение любых мусульманских обрядов. Деятельность суфийских братств приобрела нелегальный характер, муллы обучали детей и подростков в собственных домах и по возможности тайно. Представители советской власти провоцировали конфликты между различными течениями суфийского ислама. До 1980-х годов на территории Ингушетии не было ни одной действующей мечети.

В результате вышеуказанных причин многие видные знатоки ислама, знавшие духовные основы местных форм традиционного ислама, ушли из жизни, не оставив подробных письменных описаний ритуальных практик суфийских братств. Ввиду этих и других объективных причин многие современные мюриды выполняют зикр лишь просто как ритуал, не вдаваясь в основы тех или иных элементов существующих религиозных практик.

Тем не менее коллективные практики исполнения зикров, назмов и мавлидов живут и способствуют сохранению местной мусульманской традиции и передаче ее от поколения к поколению. В указанных ритуальных действиях отчетливо прослеживается ее социальная составляющая, служащая стержнем, скрепляющим местный социум.

Литература

1. Абдуллаева Ф.И. Персидская кораническая экзегетика. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. – 192 с.
2. Авксентьев А. Ислам на Северном Кавказе. – Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1984. – 287 с.
3. Акаев В.Х. Шейх Кунта-хаджи: Жизнь и учение. – Грозный: НИИ гуманитарных наук ЧР, 1994.
4. Акаев В.Х. Ислам: Социокультурная реальность на Северном Кавказе. – Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2004.
5. Акаев В.Х. Суфийская культура на Северном Кавказе: Теоретические и практические аспекты. – Грозный, 2011. – 208 с.
6. Албогачиева М.С.-Г. Ингуши в XX веке: Этнографические аспекты религиозных практик // Северный Кавказ: Традиционное сельское сообщество – социальные роли, общественное мнение, властные отношения: Сб. ст. / Под ред. С.А. Штыркова. – СПб.: Наука, 2007. – С. 75–128.
7. Албогачиева М.С.-Г. Адепты Кунта-хаджи Кишиева: Бамат-Гирей-хаджи Митаев, Батал-хаджи Белхароев, Хусейн-хаджи Гарданов, Чиммирза Таумерзаев, Вис-хаджи Загиев, Мани-шейх Назиров // Ислам в России и за ее пределами: История и культура общества. Сборник материалов Международной

- научной конференции, посвященной 100-летию со дня кончины выдающегося религиозного деятеля шейха Батал-хаджи Белхароева. – СПб.: Магас, 2011.
8. Албогачиева М.С.-Г. Ислам // Ингуши / Отв. ред. М.С.-Г. Албогачиева, А.М. Мартазанов, А.Т. Соловьева. – М.: Наука, 2013.
  9. Аликберов А.К. Эпоха классического ислама на Кавказе: Абу Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия «Райхан ал-хака'ик» (XI–XII вв.) / Отв. ред. С.М. Прозоров. – М.: Восточная литература, 2003.
  10. Ахмадов Я. Кунта-хъажи вирд // Шейх, устаз, овлия Кунта-хаджи Кишиев / Сост. Р.-Х.Ш. Албогачиев. – Нальчик: Тетраграф, 2013.
  11. Вачагаев М. Вирдовая структура Чечни и Ингушетии // Прометей. – 2009. – № 2. Доступ: <http://chechen.org/archives/category/prometheuse> (Проверено: 29.08.2014.)
  12. Вертепов Г.А. Сектанство в Чечне // Записки Терского общества любителей казачьей старины. – Владикавказ, 1914. – № 2.
  13. Долгиева М.Б. Современное расселение ингушей // Вопросы истории. – Магас, 2013. – Вып. 10.
  14. Ипполитов А.П. Учение «Зикр» и его последователи в Чечне и Аргунском округе // Сборник сведений о кавказских горах. – Тифлис, 1869. – Вып. 2.
  15. Ковалевский П.И. Народы Кавказа: В 2 т. – СПб.: Тип. М.И. Акинфиева, 1914. – Т. 1.
  16. Курбанов Г. Суфизм на Северном Кавказе: Философия протеста // Центральная Азия и Кавказ. – 2003. – № 5.
  17. Ляушева С., Яхияев С.-У. Шейх Кунта-хаджи и его школа // НГ-Религии. 29.05.97.
  18. Мальсагов М.С., Пошев А.-Х. Древо жизни. – Нальчик: ИЦ «Эльфа», 1999.
  19. Муртазалиев А., Султанов-Барсов А. Умар-хаджи Андийский. Историко-философский очерк. – Махачкала: ИД «Народы Дагестана», 2013. – 208 с.
  20. Мустафинов М.М. Зикризм и его социальная сущность. – Грозный, 1975.
  21. Павлова О.С. Чеченский этнос сегодня: Черты социально-психологического портрета. – М.: Издательская группа «Сам Полиграфист», 2013. – 558 с.
  22. Саламов Х. Ровзат. – Нальчик, 2004.
  23. Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. – М.: Русская жизнь, 1997. – 368 с.
  24. Тагиров Р.Г. Суфизм в Поволжье: Особенности функционирования. Доступ: http://www.e-riu.ru/knldg/prepod_publ (Проверено: 02.02.2015.)
  25. Хизриева Г. Вирдовые братства на Северо-Восточном Кавказе как сеть религиозных практик // Суфизм как социальная система в российской умме. Доступ: <http://www.idmedina.ru/books/school-book> (Проверено: 23.02.2015.)
  26. Шихалиев Ш.Ш. Краткий обзор арабографических сочинений Кунта-хаджи Кишиева // Ислам в России и за ее пределами: История и культура общества. Сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня кончины выдающегося религиозного деятеля шейха Батал-хаджи Белхароева. – СПб.: Магас, 2011.

*«Ислам в современном мире»,
М., 2015 г., т. 11, № 4, с. 189–204.*